
Я прошлое не стану ворошить –
За будущее на душе тревожно, –
Ведь ты не та, с которой можно жить,
А та, жизнь без которой – невозможна.

Вначале было Слово

Из несметной массы чисел,
Нервных клеток, звуков тьмы
Тот язык, что нас возвысил
Над другими... кто немые.

Ночь на небе рассыпала бусы.
Жить не свете нам, Бога моля.
Без Него мы – комический мусор
На зелёной планете Земля.

Голодный 1947-й

Мать с братом водится моим,
Отец нас бросил.
Мы у чужих ворот стоим –
Мы хлеба просим.

Годков всего нам – три и шесть.
«За Бога ради,
Подайте, – просим, – нам поесть,
Подайте, дяди!»

Глаза голодные на нас
Смотрели строго.
Нам говорили: «Бог подаст,
Ступайте к Богу!»

Домой, не поднимая глаз,
Мы шли без хлеба.
И хмуро Бог глядел на нас
С ночного неба.

Треска

Когда скосили рожь под рошей.
Нас голод взял в свои тиски.
Ночами тёмными на ощупь
Мы собирали колоски.

Но не всегда на ниве тощей
Спасала нас ночная тьма.
Стерню стерёг сосед-доносчик:
Узнает – матери тюрьма.

И всё ж с бедою неминучей
Нам разминуться повезло.
То ль Бог помог нам, то ли случай:
Пригнали пленных к нам в село.

Они с конвоем в лес ходили
Волкам обложенным сродни...
Но их – пусть плохо – но кормили.
Не мёрли с голоду они.

Со всей округи спозаранку
К вражинам в гости воровски
Сбегались мы, войны подранки,
На запах дыма и трески.

Головки клевера, да щавель –
Вот всё, что мы совали в рот.
А тут вот рыбой угощали
Враги пленённые сирот.

Давно войны умолкли трубы.
Мне годы серебрят виски.
Но и поныне помнят губы
И соль, и сладость той трески.

Леса, торфяники, поля,
Большак, зовущий в путь...
Мне силы давшая земля,
Благословенна будь.

За то, что лишь в родном краю
Удачлив был в делах,
Люблю тебя и вдаль смотрю
Сквозь слёзы на глазах.

Звонница

Всем, кто верил, для острастки,
Да чтоб соль придать делам
Комиссары в праздник Пасхи
На селе взорвали храм.

А как пробил час застолью.
Твердокаменная рать,
Позабыв про колокольню,
Дружно села пировать.

А у местного громилы
Всё стереть с лица земли
То ль взрывчатки не хватило,
То ли руки не дошли.

Нет давно того громилы.
Оказавшись не у дел,
Он, на зло потратив силы,
Заскучал и... околел.

Заросла крапивой яма,
Но стоит до наших дней
Колокольня – голос храма –
Небо держится на ней.

В санатории

Весь день за процедурой процедура...
Но только месяц рог свой показал,
Как все под свист калёных стрел Амура
Пошли больные в танцевальный зал.

Под цветочных ритмичное мерцанье,
Под музыки неукротимый шквал,
Волнуясь, как на первое свиданье

Иду и я, хоть век не танцевал.
Душа оков не любит, и не нужно
Томить её в железном колесе,
Ведь нет здесь ни женатых, ни замужних –
Все холостые, молодые все.

Меня пленит особа молодая.
С ней начинаю разговор пустой:
– Вы замужем, Мария?
– Холостая!
– И я четвёртый день как холостой...

...Весь день за процедурой процедура.
Но только месяц рог свой показал,
Как все под свист калёных стрел Амура
Пошли на танцы в притемнённый зал.

Успенский храм, окладов позолота,
Пречистой Богоматери Покров.
При входе на стене из местных кто-то
Оставил надпись: «Бога нет. Петров».

С тех пор прошло лет двадцать и всего-то.
На днях, устав от пройденных дорог,
Зашёл я в храм и прочитал у входа:
«Петрова нет!»
И сверху надпись: «Бог».

На нас из преисподней бесы
Глядят сквозь тёмные очки,
Как мы на древо жизни лезем
И рубим за собой сучки.

О том не думаем, безумцы,
Что нам не в райские сады,
А на бесовские трезубцы
В итоге падать с высоты.

Таракан

В чемодане полосатом,
Где патроны ворохом
Таракан сидит усатый
На коробке с порохом.

Пусть сидит – я не в ответе
За жильца усатого.
Сам живу я на планете
Начинённой атомом...

Крупницы драгоценного металла
Осели на писательский листок.
Но сколько пыли золотой
В отвалы
Нешадно вынес времени поток...

Северное сияние

О том, что в памяти сберёг:
Колхоз... беспаспортная зона...
Сказала мать: «Беги, сынок,
Здесь оставаться нет резона».

Не дезертир, не патриот,
Я справку выправил и вскоре
Покинул дом, ушёл в народ,
Вернее – укатил на море,

На Север, где простор свинцов,
Свинцов залив, свинцовы тучи.
Случилось, Николай Рубцов
Мой самый первый был попутчик.

И мой товарищ в стороне,
Что именуют Заполярьем.
Не зря запомнился он мне
Весёлым северным сияньем.

В плену вокзальной кутерьмы,
В кругу шпаны и прочей «швали»

Голодные, друг другу мы
Черновики свои читали.

А за стеной – шумел прибой.
И так близка была победа.
И кто сказал, что за собой
Корабль не оставляет следа?

Свободы дух вселялся в нас,
Взрослели мы, и зрело Слово,
Наш голос креп – за что подчас
Судьба карала нас сурово.

Операция «чечевица»

со слов Адани Умаева

Тех лет незаживающая рана:
Не в поле боя, не в родных горах –
В безжизненной пустыне Казахстана
Аллаху душу отдавал вайнах.

Свою семью искал он. И казахи,
Тому, кто ноги волочил с трудом,
Дом указали, где живут вайнахи.
Но не его тот оказался дом.

Не дом – скорее ветхая лачужка.
С недавних пор, как все другие, в ней
Нашла приют изгнанница-ингушка
С единственной дочерью своей.

Глаза голодные смотрели строго
На гостя в свете тусклого огня.
А гость, кивнув им головой с порога,
Солгал, сказав хозяйке: «Ждут меня,
В соседнем доме ждут меня сегодня»,
И удалился, твёрдый, что скала,
Как горный волк бесстрашный и свободный –
Была в крови вайнаха нохчалла*

Затем солгал, чтоб женщин не судили:
Из дома гость – хозяину укор.
Не сделай так, его б не отпустили,
Не дав приюта по закону гор.

Но он – чеченец. Быть не мог он гостем
У женщины свободной, но чужой.
Честь женщины у всех народов горских
Превыше чести ценится мужской.

Тех лет незаживающая рана:
Не в поле боя, не в родных горах –
В безжизненной пустыне Казахстана
Аллаху душу отдает вайнах.

*Нохчалла – кодекс чести вайнахов, свод моральных,
нравственных, этических норм и законов,
составляющих их духовно-нравственный менталитет.

Моя фамилия

Осенив меня крестом
От беды, от сглаза,
Мне поведал дед о том,
Что я знать обязан:

«После Дмитриева Дня
За полвека до меня
У лихого атамана
Епифанова Степана
К удивлению села,
Жинка тройню родила.

Три мальчишки-близнеца,
Ростиком – с напёрсток,
Озадачило отца:
Как назвать потомство?

Сбережет ли Бог троих?
Выживут-то все ли?..
Искупали в церкви их
Всех в одной купели.

На крестинах под вино
Мудрствовать не стали,
В честь святого всем одно
Имя Дмитрий дали.

В доме прибыль – три души,
И по Божьей воле
Подрастают малыши,
Как колосья в поле.

Только их родная мать,
Чтобы впредь не путать,
Стала деток называть:
Митя, Мутя, Путя..

Годы шли, росла семья,
Внуки подрастали.
– Чей ты, мальчик? – Мути я! –
Так и записали.

Благодарен я родне,
Предку Мите-Муте.
Кровь бунтарская во мне...

Бдительными будьте.

Возвращение

Стремительная и прямая
Дорога вдаль меня вела,
И вдруг, как в строчке запятая, –
Тропинка под ноги легла.

Едва приметная тропинка –
Судьбы связующая нить.
Не велика в глазу соринка,
Да не поплакав, не избыть.

Не мыслил я услышать снова
В тиши непаханных полей
Над крышей низенького дома
Знакомый оклик журавлей.

Шагать по узенькой тропинке,
Месить невиданную грязь
И каждой кланяться травинке.
Что от косы убереглась.

Не раз скосили в поле жито,
Пока вдали я службу нёс.
Лежит земля, как солнца слиток,
В осеннем мареве берёз.

Ни проклятья, ни стона —
Молчалив и велик,
И суров как икона,
Милой родины лик.

Край знакомый до боли,
Это ты иль не ты?
Только зазимок в поле
Стелет ночью холсты.

В России пахаря не встретишь скоро.
Уж не село — посёлок с карты стёрт.
Остыв к земле, ушли крестьяне в город —
Быстрой, чем город, кладбище растёт.

Не год, не два и я блуждал по миру,
Пока домой не привели пути.
На надежде не серп точу — секиру,
Чтобы родное поле перейти

Ласточки

Из соломинок и пыли
В мае месяце, в конце,
Ласточки гнездо слепили
У меня в резном крыльце

Деревянного домишки,
Где я лето провожу,
Где свои кропаю книжки,
Чистым воздухом дышу.

Как могу, рыхлю землю —
Не колхозную — свою,

Спать ложусь, как смолкнут птицы,
Вместе с птицами встаю.

Всё идёт по распорядку, –
Помолился за грехи,
Посадил картошки грядку.
И – за дело – за стихи.

К удивлению лингвистов,
Тем и строчек – не краду.
Не пропал при коммунистах,
И теперь не пропаду.

Есть и вера, и доверье,
И во всём своё лицо...
А в моём крыльце над дверью
Кормят ласточки птенцов.

Река Потонуха

В понизовье, где сыро и глухо,
Где гнездится бекас по весне,
Затерялась река Потонуха,
Чью-то тайну храня в глубине.

От того ли, что мало ей света,
От ключей ли, что били со дна,
Даже в самое знойное лето
Остаётся студёной она.

В понизовье весенней порою
Мне на встречу к любимой идти.
Как беззвёздное небо ночное,
Потонуха легла на пути.

...Чтоб мы реже в разлуке скучали,
Больше было счастливых минут,
Потоните вы, наши печали,
В речке, что Потонухой зовут.

Грибная пора

Посетите осенью мой край.
Принесу я к вашему застолью
Белый гриб – как белый каравай,
Инеем присыпанный, как солью.

Серебром одарит вас река,
Утренней прохладой – перелески.
Слышите – на перекатах всплески?
Это жерех бьёт хвостом малька.

Медвежонок – царь природы дикой –
Вновь испачкал мордочку брусникой.
Множит эхо отдаленный лай...
Загляните в мой заволжский край.

Нам вместе быть не суждено.
Покончив с будними делами,
Любви волшебное вино
Мы пьем за разными столами.

Ты реже стала мне звонить,
Я – уходить из дома реже...
Нас Бог бы смог соединить,
Но Бог – безгрешен.

© Валерий Мутин, 1985–2014.